

- ⁴³ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 51–52.
⁴⁴ Там же. С. 59.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁴⁷ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991. С. 317.
⁴⁸ На этот пост министр внутренних дел С. С. Ланской прочил Н. А. Милютину. Но Александр II рассматривал и другие кандидатуры на эту должность, ибо император испытывал личную неприязнь к Н. А. Милютину. Только настойчивость С. С. Ланского спасла положение. Но Н. А. Милютин был назначен временно исполняющим обязанности товарища министра. В этой должности, «вечно вторым», он проработал вплоть до своей отставки.
⁴⁹ Из записок... Т. 97, кн. 1. С. 60.
⁵⁰ Там же. Кн. 3. С. 576.
⁵¹ Письмо Н. А. Милютину Я. А. Соловьеву (23 марта 1864 г.) // Русская старина. 1880. Т. 27, кн. 2. С. 390.
⁵² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. Т. 3. С. 15.
⁵³ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. М., 1992. С. 287.
⁵⁴ Это комментарии М. А. Милютиной к письму А. В. Головина от 25.04.1860 г. См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1.
⁵⁵ Там же. Л. 1–2.
⁵⁶ Там же. Л. 33–34.
⁵⁷ Там же. Л. 36.
⁵⁸ Там же. Л. 37.
⁵⁹ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 577–581.
⁶⁰ Там же. С. 585–593.
⁶¹ Иван Сергеевич Тургенев... С. 175.
⁶² Там же.
⁶³ Из записок... Т. 97, кн. 3. С. 576–577.
⁶⁴ Там же. Кн. 1. С. 288.
⁶⁵ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова (Спи с безмятежною совестью / Честный Кузнец-гражданин) стала своеобразным клише. См., напр.: Кизеветтер А. А. Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов) : Очерк деятельности Н. А. Милютину. Ростов н/Д, 1905.

УДК 9(470) «18»

ЕВГЕНИЯ ТУР – МЕМУАРИСТ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается мемуарное наследие русской писательницы и публициста Е. В. Салиас де Турнемир. Ее воспоминания посвящены знаменательному событию XIX в. – Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Анализируются взгляды мемуариста на причины и ход военных действий с Османской империей, показано воздействие общественных сил на внешнюю политику страны. **Ключевые слова:** мемуары, общественное мнение, публицистика, армия, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Eugene Tour – a Memoirist of the Russo-Turkish War of 1877–1878

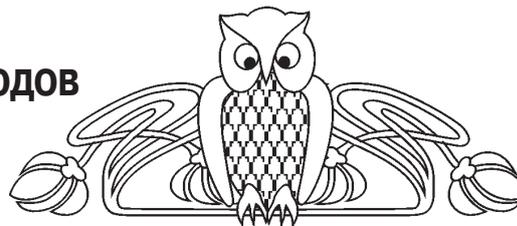
S. A. Kochukov

The article deals with the memorial heritage of the Russian writer and journalist E. V. Salias de Tournemire. Her memories are devoted to a significant event of the XIX century. Russo-Turkish war of 1877–1878. The author analyzes the views of the memoirist concerning the causes and course of hostilities with the Ottoman Empire, shows the impact of public forces in the country's foreign policy.

Key word: memoirs, public opinion, journalism, army, Russo-Turkish war of 1877–1878.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-32-37

В 2012 г. харьковское издательство «Фоллио» выпустило небольшим тиражом мемуары Е. В. Салиас де Турнемир «Воспоминания о войне 1877–1878 гг.»¹. А за два года до этого в сборнике «Россия – Болгария: векторы взаимопонимания»

появилась статья исследователя Н. Н. Воробьевой, посвященная этому историческому источнику². В статье содержится обстоятельный обзор мемуаров: времени и места написания, обстоятельств хранения, сопровождаемый биографическими сведениями об авторе. Однако Н. Н. Воробьева фактически не рассматривает общественных позиций мемуариста. Тем не менее этот аспект заслуживает внимания исследователей.

Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (Евгения Тур) русскому обществу была известна в первую очередь как писательница и издатель журнала «Русская речь», который она начала издавать в 1861 г.³ В «Русском биографическом словаре» отмечается, что Салиас де Турнемир «имеет успех у публики»⁴, а мемуарист Е. М. Феоктистов записал в своих воспоминаниях: «...она (Салиас де Турнемир. – С. К.) была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая, но исполненная больших странностей»⁵. «Странности» эти касались в основном ее личной семейной жизни. И. С. Тургенев считал ее творческой удачей повесть «Антонина». По мнению И. С. Тургенева, Салиас де Турнемир обладала «несомненным талантом, но характер этого таланта – лирический. Евгении Тур не доставало объективности, живости в изображении характеров, и ее герои большей частью бледны; описания страдают отсутствием красок и баналь-

ностью образов»⁶. Тем не менее в образованном обществе ее труды были замечены.

В 1880 г. Е. В. Салиас де Турнемир закончила работать над «Воспоминаниями» о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. К этому моменту она уже отошла от литературной деятельности. Вероятно, что Евгению Тур заставила снова обратиться к перу та общественная обстановка в стране, которая подогревалась балканскими событиями. Интерес русского общества к славянской проблеме к 70-м гг. XIX в. имел уже длительную историю; всеобъемлющий характер он приобрел сразу же по окончании Крымской войны 1853–1856 гг.⁷ Вероятнее всего, в этом не последнюю роль играли и реваншистские настроения. Причем общественные силы России формировали свои взгляды совершенно самостоятельно, без всякого давления правительства. Более того, как считали многие представители русской интеллигенции, правительство само нуждалось в поддержке своей внешней политики со стороны общества. Это особенно емко сформулировал лидер Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, когда писал: «Я полагаю, что самому правительству нужна поддержка общественного мнения, нужна в том смысле, что она может перед Европой указывать на необходимость утишать возбуждение умов и внутри себя “законные сочувствия населения”... возвеличивать через собственные заслуги по части самоотвержения»⁸.

Другая причина интереса «русской Жорж Санд» к проблеме войны с Османской империей была, по всей видимости, личного характера. Ее дочь Мария была замужем за героем только что прошедшей войны генералом И. В. Гурко. Елизавета Васильевна и решила прежде всего изобразить роль этого военачальника в 1877–1878 гг. Более того, мемуары были адресованы непосредственно внукам Салиас, детям Иосифа Владимировича Гурко.

Уже с первых строк воспоминаний понятно, что Евгения Тур хотела всячески подчеркнуть выдающуюся роль Гурко в период «Балканской драмы». «Слава и уважение всего края, которые заслужил отец ваш (имеется в виду И. В. Гурко. – С. К.), досталась вашей матери и мне очень дорого»⁹.

Несмотря на то что война с Османской империей была встречена в России с воодушевлением, сама Евгения Тур изначально была настроена скептически: «Я не разделяла общего настроения, напротив того. Я совершенно враждебно относилась к страстному настроению всей славянофильской партии и большинства публики, увлекшейся мыслию, одни о воссоздании единства “славянского”, другие чисто религиозною мыслию об освобождении “единоверцев” христиан от ига турецкого, басурманского, как говорили в простом народе»¹⁰. Такого рода высказывания представляют немалый интерес, так как они выпадали из общего русла настроений образованного общества

России. Если критика в адрес «славянофильской партии» и И. С. Аксакова встречалась нередко, как среди печатной «братии», так и представителей двора¹¹, то само по себе негативное отношение к предстоящей войне Салиас определяла следующим:

1) ссылкой на преувеличенность общественного воодушевления и масштабов «движения за войну»;

2) мнением о необходимости концентрировать все силы и внимание на внутренних проблемах, а не на аморфно представляемых внешнеполитических задачах;

3) указанием на возможность дипломатической изоляции России и на угрозу войны с европейской коалицией по сценарию Крымской войны¹².

Безусловно, указанные Евгенией Тур аспекты были предметом внимания и других представителей русского общества. В частности, К. Д. Кавелин, в отличие от большинства, не только не разделял идеи всеславянства, но и скептически относился к миссии России по освобождению Балканского полуострова от власти турок. Для Кавелина более важными были сугубо внутренние проблемы России, чем чрезвычайно затратная в экономическом и людском плане война с Османской империей. Действительно, экономическое состояние России было не из лучших, и употребление значительного количества средств на борьбу с Портой загоняло Россию в жесткие тиски экономии. В письме к К. К. Гроту К. Д. Кавелин четко объяснил свою позицию по отношению к Русско-турецкой войне: «Вы меня спрашиваете, что я думаю о турецких делах? Сижу в своей норе и негодую на легкомыслие и безобразия русского общества. В деревнях нищета, анархия, дичь, невежество – невообразимые, а мы делаем сборы в пользу балканских славян! Вместо того, чтобы заняться у себя дома и собирать деньги на пользу своих голодающих голяков, черт нас дергает отдавать свои силы и свои деньги балканским славянам – словно у нас все так благополучно, что дома делать нечего и есть избытки, которые мы можем употребить на пользу страждущего мира»¹³.

Писатель К. М. Станюкович также не остался безучастным к событиям Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Можно согласиться с исследователем Н. И. Цимбаевым, который считал, что Константин Михайлович продолжил обличительную линию в русской литературе¹⁴. При безусловной поддержке России в борьбе против Турции Станюкович воспринимал войну совершенно по-другому, нежели И. С. Аксаков. Если последний искренне считал, что страна буквально бурлила и встречала на «ура» открытие боевых действий против Османской империи, то К. М. Станюкович был в заявлениях более осторожен. В произведении «В мутной воде» писатель отмечал: «Говорить о степени и характере возбуждения в нашем обществе довольно трудно, так как проявления

его у нас не имеют публичного характера, но тем не менее, насколько выражались эти проявления среди петербургского общества, надо сказать правду, что проявления эти были в большинстве радостного характера... Какая-то бедно одетая старушка остановилась у разносчика, прочитала телеграмму и залилась слезами тут же на Невском. На нее прохожие глазели с удивлением. Городовой деликатно попросил ее не плакать на улице, так как она делает беспорядок.

– Этакое известие да не плакать!.. Внучек один был, – и того теперь убьют. Я, сударь, мужа и трех сыновей в Крымскую войну потеряла... Так поневоле заплачешь! – проговорила старушка, уходя с Невского в Троицкий переулок.

Такие сцены бывали, но их не описывали в то время. Описывали более проявление восторгов...»¹⁵.

Вообще тема войны в России становилась чрезвычайно модной. Агитация славянофилов имела свою роль. Вот как описывает прием у И. С. Аксакова В. П. Мещерский: «Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувший в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. Как вчера помню этих старушек и стариков, на вид убогих, приходивших вносить свои лепты для славянских братьев в каком-то почти религиозном настроении, я в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязненький платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей. И действительно, деньги лились рекою...»¹⁶. Безусловно, не стоит принимать на веру все, что пишет кн. Мещерский, так как Аксаков мог устроить что-то вроде инсценировки специально для знатных, состоятельных и влиятельных лиц. Во всяком случае, выступления в прессе и публичных собраниях сделали И. С. Аксакова чрезвычайно популярным.

Что же касается Салиас, то она была настроена по отношению к предстоящей войне пессимистично. По ее мнению: «Без денег, без оружия, без союзников, без порядка в государстве идти спасать болгар, которых наши же эмиссары, эмиссары Игнатьева, возмутили против турок, которые их порезали, ведь это совершенно безумно. А взять Константинополь? Еще возьмем ли? А если и возьмем, его нам Европа не оставит – да и зачем он нам? Не знаем как сладить со своими, а хотим забирать чужих. Какое преступное безумие, – вот что говорила я близкими»¹⁷.

Может показаться странным, но саму идею И. В. Гурко отпраздновать в Действующую армию Евгения Тур восприняла с видимым неудовольствием, хотя ее воспоминания и наполнены лестными характеристиками в адрес генерала. В своих «Записках» о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Иосиф Владимирович отмечал: «Определить то чувство, с которым я расслышал эти слова (назначение в Действующую армию. –

С. К.), чрезвычайно трудно – тут было всего, но, скажу по совести, после первой минуты радости, очень короткой, немедленно наступило чувство страха за ту громадную ответственность, которую я брал на себя, являясь в армию, так сказать, не по очереди, не по предопределению, но выбранный из всей мобилизационной части армии. Отнимая у других свои части, принадлежащие им, я очень хорошо понимал, что всякий неверный мой шаг подвергнется страшному осуждению»¹⁸.

Во время одного из споров о войне он говорил Салиас: «...турки режут детей и женщин, совершают неслыханные жестокости... освободить болгар дело святое...»¹⁹. С этими доводами она не видела необходимости считаться. Признавая идею защиты Отечества как таковую, Евгения Тур старалась убедить зятя, что «болгары жалки и мало ли кого режут в Азии, нельзя же всех спасать и идти на смерть за чужое дело»²⁰. В то же время она понимала, что такие разговоры ни к чему не приведут, так как знала о твердости И. В. Гурко в принятии решений.

Сам генерал Гурко относился к матери своей жены доброжелательно. Редактор журнала Министерства народного просвещения Е. М. Феоктистов так описывал взаимоотношения Салиас и Гурко: «Иосиф Владимирович был чрезвычайно к ней почтителен и внимателен, ни разу не позволил себе ни единого слова, которое могло бы раздражить или оскорбить ее, он импонировал ей своею сдержанностью, сосредоточенностью и заставлял ее невольно преклоняться пред силой своего характера. Трудно было бы представить себе две столь противоположные натуры, и натура болезненно впечатлительная, нервная, но слабая – инстинктивно уступала натуре энергической»²¹.

Свою «программу» относительно ведения боевых действий генерал Гурко просто и четко изложил перед кавалерийскими офицерами Западного отряда: «Господа, я должен вам сказать, что люблю страстно военное дело. На мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которых я никогда не смел и мечтать: вести гвардию в бой. Для военного человека не может быть большего счастья, как вести в бой войска с уверенностью в победе, а гвардия по своему составу и обучению, можно сказать, лучшее войско в мире...»²². Гурко с уверенностью можно отнести к числу «Суворовых» второй половины XIX в. Иосиф Владимирович по сути придерживался той же тактики, что и русский генералиссимус конца XVIII в., несмотря на то что многие «заветы» Суворова просто устарели. В частности, Гурко всячески культивировал суворовское правило «пуля – дура, штык – молодец». Чувствуется, что Гурко знал военную историю и старался при случае быть похожим на А. В. Суворова²³. Общаюсь с солдатами перед атакой, он говорил: «Турки, братцы, стреляют издали и стреляют много, это их дело, а вы, братцы, стреляйте, как вас учили – умно пулей, редко, но метко, а когда придется до дела

в штыки, то продырявлять его. Нашего “ура” враг не выносит»²⁴.

Не изменяя своего отношения к южным славянам, Евгения Тур изменила взгляд на саму Русско-турецкую войну. И повлиял на это все тот же генерал Гурко. Она вынуждена была признать, что русские войска на Балканском театре военных действий выполняют важную миссию. Салиас в своих мемуарах отмечала: «...он (Гурко. – С. К.) описывал восторг, энтузиазм жителей, встретивших его со слезами, цветами и криками восторга, описывал встречу духовенства с крестом и благословениями и благодарственный молебен в соборе... Все ликовало – ликовала и душа его при мысли, что он освобождает христиан от жестокого ига варваров. С этой минуты я стала мало-помалу принимать участие в несчастье населения Болгарии и стала читать газеты, все, какие были, с первой строчки до последней. Но из-за него, из любви к нему я стала любить его дело освобождения»²⁵.

Эта «любовь к его делу» привела к тому, что Евгения Тур стала живо интересоваться военными новостями и даже оказалась подвержена «ура-патриотическим» настроениям, особенно после того, как была взята Шипка, а ее зять получил «Георгия и генерал-адъютантство»²⁶.

Настоящий эффект разорвавшейся бомбы произвела Плевна²⁷. Конечно, никто в русском обществе не мог предположить, что эта турецкая цитадель сможет приковать к себе значительные силы русской армии. В результате неудачи штурмов наметился своеобразный раскол мнений. С одной стороны, представители русского общества, среди которых были И. С. Аксаков, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, настаивали на скорейшем завершении «плевненского дела», которое тормозит процесс освобождения славян²⁸. С другой стороны, непосредственные участники войны, которые вживую столкнулись с трудностями войны²⁹, представители русского офицерства уже не разделяли оптимистических планов быстрой победы и достаточно точно определяли причины неудач под Плевной и Шипкой. Одна из главных причин – это недостаток информации. По словам начальника штаба А. А. Непокойчицкого: «Мы ничего не знаем о противнике»³⁰. Его мнение дополняет полковник Генерального штаба П. Д. Паренсов: «Полевой штаб... действовал с поразительной небрежностью и необдуманностью; мало того, разные учреждения Действующей армии не только чуждались, но как будто боялись друг друга...»³¹.

Салиас де Турнемир, так же как и все русское общество, была удивлена и озадачена неудачами русской армии. Успехи ее зятя на Балканах в определенной степени вселили в нее уверенность в том, что русская армия была застрахована от такого рода неудач. Тем не менее она была вынуждена признать: «Это известие (неудача штурма Плевны. – С. К.) встревожило не только наш

маленький мир, но и всю Россию. Смутно мы чувствовали, что это местечко может превратиться в грозное препятствие на пути нашей армии, или просто тревожились, потому что после удачной переправы через Дунай и блистательного похода за Балканы и взятие Шипки никто не ожидал неудачи»³².

Для Евгении Тур виновником всех бед под Плевной был «генерал Шильдер-Шудлер»³³, так она называла Ю. И. Шильдер-Шульднера. Она узнала из периодических изданий, которые регулярно читала, что именно этому генералу было предоставлено право личной инициативы³⁴, но воспользоваться им он так и не сумел. Разведка отряда генерала Шильдер-Шульднера, которому было поручено взять Плевну, просмотрела подход вспомогательных турецких войск из резерва и, даже проведя рекогносцировку боем, не выявила в Плевне значительных сил неприятеля. Решение последовало незамедлительно – атаковать. Недостаточно рассчитанная инициатива сыграла свою решающую и одновременно трагическую роль. Утром 8 июля 1877 г. войска в колоннах, не ожидая особого сопротивления, двинулись на приступ, но встретились с сильнейшим оборонительным огнем со стороны турок. Шильдер-Шульднер потерял управление войсками, и все обернулось бы печально, если бы турки, опасаясь отрыва от укреплений, не прекратили преследования разбитых полков. Потери русских составили 2 тыс. человек убитыми.

Интересным является тот факт, что русская армия, потеряв значительное число военнослужащих под Плевной, совершенно буднично и даже безразлично встретила сам факт капитуляции крепости. Вместо традиционного парада под стенами Плевны был проведен скромный молебен, а офицерство даже не потрудились прекратить в городе мародерство³⁵. Вместе с тем, в самом русском обществе было известно о сдаче этой турецкой крепости только восторженно с небывалым воодушевлением. Глава Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков разразился эмоциональной речью в честь этого события³⁶. Взятие крепости Плевна затронула в своих воспоминаниях и Евгения Тур. Многие в Москве, где она на тот момент жила, соотносили взятие Плевны с именем ее зятя, хотя Гурко никакого отношения к взятию этой цитадели не имел. По всей видимости, «русской Жорж Санд» было приятно такое почитание. Во всяком случае в конце своих мемуаров она замечает: «Нельзя не сознаться, что эта неожиданная народная манифестация была нам очень приятна, тем приятнее, что в официальном, особенно военном мире было много людей, дурно расположенных к Жозефу (И. В. Гурко. – С. К.), и еще больше таких, которые завидовали его известности... В Москве лавочки и простые мужики знали его и нарасхват покупали лубочные картинки с его портретом. Повсеместно старушки-богомолницы вынимали

просвиры за его здоровье и слали образочки с безграмотными, но трогательными письмами»³⁷.

Фактически события, связанные с взятием Плевны, заканчивают воспоминания Е. В. Салиас де Турнемир. Несмотря на то что эти мемуары писались для «ближнего круга», они являются важным источником для понимания настроений русского общества в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Примечания

- 1 См.: Салиас де Турнемир Е. В. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. Харьков, 2012.
- 2 См.: Воробьева Н. Н. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Россия – Болгария : векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. М., 2010. С. 121–125.
- 3 См.: Субботин Н. И. Графиня Е. В. Салиас де Турнемир и ее письма // Русский Вестник. 1903. Т. 287, № 10. С. 489–505.
- 4 Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова : в 25 т. СПб., 1896–1918. Т. 18. С. 65.
- 5 Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 226.
- 6 Русский биографический словарь... Т. 18. С. 65–66.
- 7 См.: Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
- 8 Цит. по: Цимбаев Н. И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 154.
- 9 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 39.
- 10 Там же. С. 39–40.
- 11 В частности, М. Н. Катков подверг детальному разбору работу Московского славянского комитета и речи Аксакова как его председателя. Выводы, к которым пришел Катков, поразительны. Он заявил, что «русская помощь христианам не имела организации» (Катков М. Н. Собрание сочинений : в 6 т. СПб., 2010–2013. Т. 2. С. 388). Это может показаться удивительным, ведь именно для этого и был создан Славянский комитет. Тем не менее Катков был убежден в своей правоте, полагая, что подобная «работа» не под силу аксаковскому комитету. Он писал: «Славянский благотворительный комитет явился главным каналом пожертвований и снаряжителем добровольцев. Но он вовсе не подготовлен для представившейся ему деятельности. В самом себе, организация его совершенно не соответствовала расширявшейся с каждым днем цели. Его даже упрекали в том, что у него “Россия, так сказать, выбилась из рук, что он не сумел покрыть ее сетью стройной организации, что не воспользовался в должной мере народною готовностью жертвовать и оставлял множество мест без указаний и руководства”. Дело в том, что Комитет столь же мало подготовлен был к происходящему, как и все русское общество» (Там же. С. 389). Катков был убежден, что Славянский комитет должен был заниматься только жертвованиями, а они, хотя и были значительны, но пущены на самотек и шли, как правило, бездарно (Катков М. Н. Указ. соч. С. 90).

- Гофмейстера императорского двора Е. А. Нарышкина относил всех славянофилов в разряд мечтателей (Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 268).
- 12 См.: Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 40–41.
 - 13 Кавелин К. Д. Письмо к К. К. Гроту от 18/VIII 1876 г. // Русская старина. 1899. № 2. С. 381.
 - 14 Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 187.
 - 15 Станюкович К. М. В мутной воде. Жрецы. М., 1966. С. 36.
 - 16 Мецкерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 356.
 - 17 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 44.
 - 18 Гурко И. В. Записки о кампании 1877–1878 гг. // Русский орел на Балканах : Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М., 2001. С. 169.
 - 19 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 47.
 - 20 Там же.
 - 21 Феоктистов Е. М. Указ. соч. С. 233.
 - 22 Герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1878. С. 81.
 - 23 См.: Кочуков С. А. «Суворовы» Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: боевые генералы в общественном восприятии // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов VI межвуз. науч. конф. 15–16 февраля 2013 г. Саратов, 2013. С. 50–57.
 - 24 Герои русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 81.
 - 25 Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 54–55.
 - 26 Там же. С. 55.
 - 27 См.: Кочуков С. А. «Особое препятствие – Плевна» (к вопросу об отношении русского офицерского корпуса к осаде Плевны) // Российская государственность : от истоков до современности : сб. Междунар. науч. конф., приуроченной к 1150-летию российской государственности (Самара, 13–15 сентября 2012 г.). Самара, 2012. С. 281–286.
 - 28 Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 9 т. М., 2007. Т. 9, ч. 2. С. 293.
 - 29 Даже не военные участники кампании 1877–1878 гг. рассматривали ситуацию под Плевной как опасную. Художник В. В. Верещагин отмечал: «Однако, если строевые офицеры не поняли необходимости укрепления этой позиции – легко доставшейся, легко отнятой, – как могли просмотреть ее специально образованные офицеры Генерального штаба с полевым начальником их? Зато турки не зевали: редуты воздвигались за редутами и в самое короткое время оборона города была приведена в такое состояние, что две последовательные атаки наши были отброшены с громадными потерями людей, а главное с уничтожением всего престижа, заслуженного русской армией успешною переправой через Дунай, взятием Никополя и набегом Гурко за Балканы... История с Плевной – это в полном смысле слова “histoire des petits paquets”: сначала послали на Плевну маленький отряд, потом дивизию с кончиком, потом два корпуса, потом несколько корпусов, наконец, огромную армию и только с нею, потеряв массу времени, людей и денег, – одолели.

Как мало, как поверхностно мы изучаем историю и как за то мало, как поверхностно она учит нас!» (*Верещагин В. В.* Скобелев. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 2007. С. 104–105). Верещагину вторит корреспондент В. И. Немирович-Данченко: «Оптимисты говорят, что достаточно двух – трех больших сражений и все для турок будет кончено. Я думаю, что самообольщение такого рода столь же основательно, сколько и практиковавшееся у нас до недавнего времени, презрение к силам неприятеля. Нас ожидают три громадные битвы по сю сторону Балкан» (*Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента // Шипка и Плевна слава русского оружия. М., 2003. С. 133).

УДК 94(575.3)

ПАМИРСКИЕ ПОХОДЫ (1891–1894 гг.) В ВОСПОМИНАНИЯХ ИХ УЧАСТНИКОВ

И. В. Чибров

Саратовский государственный университет
E-mail: chibroviv@list.ru

На основе работ русских военных путешественников и исследователей Б. Л. Громбчевского и Б. Л. (Рустам-Бека) Тагеева рассматривается один из эпизодов «Большой игры» России и Британской империи в Средней Азии. Особое внимание обращается на ситуацию в регионе, причины похода, географические условия Памира, отношения между местным населением и русской армией.

Ключевые слова: Большая игра, завоевание Средней Азии, Памирские походы Ионов, Б. Л. Громбчевский, Б. Л. (Рустам-Бек) Тагеев.

The Pamir Campaigns (1891–1894) in the Memoires of their Participants

I. V. Chibrov

Based on the works of Russian military travelers and explorers B. L. Grombchevski and B. L. (Rustam-Bek) Tagееv, the one of the episodes of the Great Game between Russia and the British Empire for supremacy in Central Asia is considered. The report focuses special attention on the situation in this region, the reasons for the campaigns, the local geography of Pamir, the relations between the locals and the Russian army.

Key words: Great Game, Russian Conquest of Central Asia, Pamir campaigns of Ionov, B. L. Grombchevski, B. L. (Rustam-Bek) Tagееv.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-37-39

К концу XIX в. почти весь мир был поделен на сферы влияния. Несмотря на то что Российская империя имела большое количество необжитых территорий, она также участвовала в этом процессе. За довольно небольшой исторический промежуток благодаря силе оружия к России были присоединены обширные области Средней Азии –

³⁰ Золотарев В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 189.

³¹ Паренсов П. Д. Из прошлого. Из воспоминаний офицера Генерального штаба : в 2 т. СПб., 1901–1904. Т. 1. С. 175.

³² Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 57.

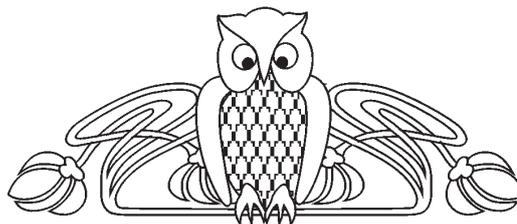
³³ Там же. С. 56.

³⁴ См.: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 82.

³⁵ См.: Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 297.

³⁶ См.: Аксаков И. С. Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886. С. 213–315.

³⁷ Салиас де Турнемир Е. В. Указ. соч. С. 111–112.

Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Однако успехи русских военачальников не могли не тревожить другие государства, претендовавшие на территории в данном регионе. В первую очередь такой ход событий не устраивал Великобританию, чьи владения в Индии также постепенно расширялись на север.

По мере сближения границ между Российской и Британской империями, примерно с 30-х гг. XIX в., начинается борьба за сферы влияния в Центральной Азии. Англия опасалась укрепления роли России в данном регионе, мотивируя это угрозой своим владениям в периоды дипломатических или военных осложнений между двумя странами¹. Следует отметить, что опасения эти были не беспочвенны. Еще император Павел I в период своего правления предпринимал попытку отправить отряд донских казаков под командованием В. П. Орлова через территорию Средней Азии в Индию. Однако произошедший 1 марта 1801 г. дворцовый переворот не дал осуществиться этим планам.

В следующий раз к идее Индийского похода вернулись после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так как королева Виктория не была согласна с условиями Сан-Стефанского мирного договора, и с Дарданеллы были направлены английские боевые корабли². В этих условиях разработка плана Индийского похода могла стать своеобразным рычагом давления на британское правительство.

Следует отметить, что великие державы действовали не только военными методами. По дипломатической линии было предпринято также немало усилий, направленных на разграничение сфер влияния в Центральной Азии.